

Скромные радости ремесла

Петербургский «Войцек» и новосибирская «Зойкина квартира» — житы «Золотой маски»
Русский Телеграф. — 1998. — 7 марта. — с. 7

Взамен утех авангарда и скуки академизма последние дни фестиваля дарят нам железный профессионализм, виртуозное владение знакомыми приемами и благодарный ревбитком набитого зала. Позавчера Олег Рыбкин показал «Зойкину квартиру» (театр «Красный факел» из Новосибирска), сегодня Юрий Бутусов представляет «Войцек» (петербургский Открытый театр). Рыбкин сбился с ног, обеспечивая полный зал, приглашал всех друзей, родственников и друзей родственников, остальные билеты достались школьникам — в результате публика РАМТа напоминала Ноев ковчег. Но и Бэла, и Бартенев, и немолчно матерящийся пятиклассник хлопали в такт и веселились от души. «Войцек» задуман для малой сцены, и это само по себе — в дополнение к имиджу лауреата «Золотого софита» — позволит Бутусову насладиться аншлагом. Но своим успехом оба спектакля обязаны не только организационным способностям постановщиков, но прежде всего прочности своей постройке.

И «Войцек», и «Квартира» сработаны деловито — без сантиментов и лишних комплексов. Рыбкин и Бутусов пользуются давно потерявшими авторство приемами — так старый конференсье плетет свою речь из анонимных, веками затасканных шуток. Порой эти «находки» нечувствительно перетекают из одной постановки в другую: «Зойкина квартира» заканчивается медленным танго, герои «Войцек» танцуют танго быстрое. Почувствуйте разницу: Почувствуйте, как режиссер — самое эгоцентричное из эгоцентричных искусств XX века — в буквальном смысле слова теряет лицо. Оба постановщика мастерят спектакли из проверенных десятилетиями эффектов, не тратя свою маленькую жизнь на поиск самостоятельного стиля.

Эрзац Мейерхольда — спортивный азарт актеров и чужие мизансцены. «Зойкина квартира». Режиссер — Олег Рыбкин. Театр «Красный факел». Новосибирск

Это здоровое безразличие к гому, из чьей копилки берутся «шутки» и «приколы», свойственно и актерам. Они беззаботно перевирают правила игры, мешая стилизацию с добротным психологизмом, гротеск — с правдоподобием. Постановщики всячески облегчают им жизнь, перенасыщая спектакль актерскими этюдами — особенно грешит этим Бутусов — и не пытаясь навязать своим подчиненным единый стиль исполнения.

И питерскому и новосибирскому режиссерам счастливо неведом «страх влияния». К сильным театральным традициям они относятся как к подсобному материалу: что-то подправишь, что-то подкрасишь — и, глядишь, работает. Похоже, их не слишком терзают амбиции, а скромность

видится им главным украшением режиссера. Как выражается Юрий Бутусов, «околеванца нет, и на том спасибо». Поэтому стиль «Квартиры» — это Мейерхольд, увиденный Эллочкой-людоедкой; стиль «Войцек» — это Додин в понимании Бондарчука-фиса. Наши герои с удовольствием копируют структуры большого стиля — но при этом Рыбкин загромождает свой спектакль отсылками к немому кино, физкультурным парадом и кабаре эпохи «Кабаре». А Бутусов притормаживает девятый вал театральной метафоры а-ля Додин, дробит действие на яркие короткие картинки и как чумы бежит всякой дидактики. Растеряв свою идеологическую энергию, старые структуры тем не менее гарантируют динамику хорошего шоу.

«Войцек» и «Зойкину квартиру» можно с полным основанием включить в число лучших спектаклей фестиваля «Золотая маска». Хотя, по правде говоря, это не самый успешный итог: Отчитываясь о результатах национального театрального смотра, нам хотелось бы воспевать новаторов и плясать на обломках поверженной традиции. Противопоставлять зыбким новациям Клима и монументальной рутине МХАТа что-то существенно иное, радикально меняющее облик сегодняшней сцены. Возмущаться и влюбляться — со всей наивностью, доступной профессиональному эстету. И писать просто-душно.

Виктория Никифорова